

УДК 314.7(571.16)

Чужие среди своих: репатрианты, аутентичность и повседневные границы в Восточном Казахстане¹

И. Г. Поправко

Томский государственный университет, г. Томск

Аннотация. В статье рассматривается проблема репатриации с антропологической точки зрения. На примере повседневных практик воспроизводства границ между различными группами казахов Восточного Казахстана ставится вопрос об аутентичности (казахскости) как важного элемента процесса категоризации. Термин «границы» (relationalboundaries) понимается как границы «повседневные», «символические», и речь пойдет о социальной категоризации «свои – чужие» внутри казахстанского общества. Во многом такое понимание границ опирается на анализ этничности Фредрика Барта, который фокусировал внимание именно на процессах воспроизводства границ между различными сообществами, а также на процедурах включения в группу новых членов. Культурное гражданство, другой компонент анализа статьи, подразумевает под собой двойственный процесс внутреннего и внешнего конституирования внутривластных сетей, связанных нацией-государством и гражданским обществом. Понятие «групповость» (введено Рождерсом Брубейкером) вполне подходит для анализа кейса с Шыгысом (поселком оралманов в Восточно-Казахстанской области), когда конфликтная ситуация, во многом спровоцированная властями, заставила оралманов с различным культурным бэкграундом объединиться и противопоставить себя местному обществу и власти. На момент проведения исследования границы, по которым в практиках и повседневных интеракциях проходит деление внутри определенной части казахстанского сообщества, выглядели следующим образом: русские – казахи; русские – оралманы; казахи местные – оралманы; оралманы из Монголии – оралманы из Китая; оралманы, приехавшие в 1990-е, – переехавшие в 2000-е оралманы; оралманы в городе – оралманы в селе (Шыгысе); оралманы Китая из района Алтай – оралманы Китая из района Тарбагатай. Эти границы во многом конструируются государственной политикой – через статус «оралман» со всеми преференциями. Используя казахскость (во многом близкую с точки зрения эссенциализма к понятию «этнические казахи») как ресурс для создания единой нации казахов, но во многом не учитывая сложный характер низовых категоризаций, власть провоцирует конфликтные ситуации. А они, в свою очередь, способствуют возникновению новых категорий и идентификаций (групповости в случае Шыгыса). Значимыми разделительными линиями в указанных парах были выделены: язык (для ВКО особенно значимый – русский, но и собственно казахский, как было показано в случае с «монголами» и «китайцами»), религиозные традиции, культурные и профессиональные предпочтения, а также понятие казахскости (аутентичности). Все они состоят в сложном переплетении и ситуативны по своей природе.

Ключевые слова: оралманы, репатриация, аутентичность, категоризация, групповость, границы, этничность, казахи, Восточный Казахстан.

¹Исследование выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.B25.31.0009).

– Почему Вы переехали в Казахстан из Монголии?

– Чтобы стать настоящим казахом...

(из разговора с таксистом-репатриантом по дороге в поселок Шыгыс, Восточно-Казахстанская область)

Проводимая с момента обретения Казахстаном независимости политика репатриации этнических казахов (оралманов) на историческую родину ставила своей целью ликвидацию этнодемографических диспропорций и способствовала тому, что в конце XX – начале XXI в. казахи стали абсолютным большинством населения в Казахстане [1]. Переселившиеся казахи (в основном из Узбекистана, Таджикистана, Китая и Монголии) вместе со статусом оралмана получают ряд экономических, социальных, правовых и других преференций, которые призваны решить задачу их интеграции в современное казахстанское общество.

Однако декларируемые цели и поставленные задачи преломляются сквозь призму существующих в Казахстане экономических и социокультурных реалий. Наделяя переселенцев статусом «оралман», государство маркирует их как особую группу, которая в большинстве случаев воспринимается местными казахами как чужие. Таким образом, государство выступает одним из активных участников процесса конструирования и воспроизводства границ между оралманами и местными казахами. Еще одним (но далеко не последним) «игроком» на поле конструирования идентичностей является непосредственно казахстанское общество (на местном локальном уровне), особенно в ситуациях повседневного взаимодействия.

В данной статье автор рассматривает репатриацию с антропологической точки зрения и на примере повседневных практик воспроизводства границ между различными группами казахов Восточного Казахстана ставит вопрос об аутентичности (собственно казахскости) как важного элемента процесса категоризации.

Проблема категоризации в казахстанском обществе в связи с репатриантами вполне логично вписывается в общий контекст исследований границ нации и гражданства на примере репатриантов в Италии (после Второй мировой войны) [8], Германии после падения Берлинской стены [9; 13], Португалии [11].

Термин «границы» понимается здесь как границы «повседневные», «символические» (*relationalboundaries*, в отличие от термина *borders*, используемого для обозначения границ физических – территориальных, политических). Речь пойдет о социальной категоризации «свои – чужие» внутри казахстанского общества. Во многом такое понимание границ опирается на анализ этничности Фредерика Барта, который фокусировал внимание именно на процессах воспроизводства границ между различными сообществами, а также на процедурах включения в группу новых членов. Именно этническая граница определяет группу, а не сам по себе содержащийся в пределах этих границ культурный материал. Культурные различия в данном случае используются людьми как инструмент в определении границ группы [7].

Другим важным для нашей работы понятием является «культурное гражданство». Используя эту категорию для анализа воспроизводства культурных границ в США посредством системы высшего образования, Р. Розалдо

[14] разделяет ее на две составляющие – культуру и гражданство. Они призваны включать и исключать определенные группы людей в американское общество. Гражданство стремится всем дать равные возможности и права, культура же (в ее обыденном понимании) делит людей на «полных» граждан и граждан «второго сорта». Но такой взгляд на культурное гражданство, как на спрос на «полное гражданство» непривилегированных меньшинств является односторонним, с точки зрения Aihwa Ong¹, поскольку игнорирует субъективные и противоречивые переживания. Оппонируя Р. Розалдо, он использует понятие «культурное гражданство» для обозначения практик и представлений (убеждений), возникающих в результате согласования зачастую неоднозначных взаимоотношений с государством и его институтами, которые формируют критерии принадлежности к национальному населению и территории. Культурное гражданство – это двойственный процесс внутреннего и внешнего конституирования внутри властных сетей, связанных нацией-государством и гражданским обществом. Обретение гражданства зависит от того, каким образом индивид конституируется: как субъект, отправляющий власть, либо как подчиняющийся ей [12, с. 737–738].

Проблема оралманов и отношения к ним изучалась автором во время полевых исследований в августе 2013 г. в Восточно-Казахстанской области. Этот выбор был обусловлен несколькими факторами, создающими особый контекст для маркирования границ:

- во-первых, большой концентрацией русского (русскоговорящего) населения – русский язык является важным инструментом категоризации;
- во-вторых, по результатам исследования, проведенного в 2005 г. Центром социальных технологий, здесь преобладают критические оценки населения в отношении оралманов [4].

Поставленная проблема анализируется на примере довольно обычного – и потому показательного – конфликта, случившегося в специально построенном в 2010–2011 гг. для оралманов поселке Шыгыс в 30 км от города Усть-Каменогорск (Восточно-Казахстанская область). Из 463 домов поселка около 300 заняли семьи переселенцев из Китая и Монголии, приехавшие по программе «Нурлы Кош» (2009–2011 гг.). Выделяется жилье и переселенцам из малых сел по программе «Занятость–2020». В поселке есть школа и детский сад.

Суть конфликта изложена в нескольких материалах СМИ. «Сегодня вечером около 100 жителей поселка Нурлы Кош² перекрыли дорогу в районе старого Ахмирово (в сторону понтонного моста), требуя вмешательства властей в их проблемы. Место стихийного митинга оцепила полиция, из-за чего в город не могли попасть припозднившиеся дачники. Поводом для возмущения оралманов стало отключение электроэнергии в 170 домах поселка из-за долгов. По словам протестующих, в месяц семья при среднем доходе в 35–40 тыс. тенге вынуждена платить 40–60 тысяч за свет. Многие не в состоянии справляться с коммунальными платежами. Такие суммы, считают

¹Автор – выходец из Малайзии, и для него лично американское гражданство во время бомбардировок США Камбоджи в 1970-е гг. было очень трудной моральной проблемой.

²Поселок называется Шыгыс, построен по программе «Нурлы Кош», возможно, корреспондент ошибся.

люди, складываются из-за того, что постройка домов в поселке велась неким “новаторским” способом. На выходе получилась бетонная коробка, отапливаемая электричеством. Чтобы более-менее сносно существовать, зимой и в межсезонье жители Нурлы Кош не выключают обогреватели. Это выливается в копеечку. Как рассказала жительница поселка Жанна Калбагаева, за январь–март ее счета за электричество превысили 350 тыс. тенге. На место митинга и в поселок выезжал аким области» [3]. «В первые два года областной бюджет, чтобы облегчить репатриантам жизнь, сам платил за потребленное ими электричество – порядка 80 млн тенге. Но когда в мае 2013 г. в нескольких десятках домов поселка отключили свет за неуплату, возмущенные жители устроили несанкционированный митинг: практически все мужское население Шыгыса пошло пешком в город “«разговаривать с властью”. Полицейские остановили их на подступе к мосту через Иртыш, ситуацию удалось урегулировать, акимат создал несколько рабочих групп, в том числе по трудоустройству и решению социальных вопросов. Было решено перевести дома с электрического отопления на печное. Оралманы пообещали начать выплачивать долги. Однако к началу марта 2014 г. ситуация практически не изменилась, долг жителей составлял 55 млн тенге» [5].

В ноябре 2014 г. долг сократился до 34 млн тенге, была обнародована информация о хищениях во время застройки поселка, что и послужило причиной перерасхода электроэнергии: «...несколько компаний-подрядчиков сэкономили на строительстве, и в домах, где по проекту было предусмотрено электрическое отопление с помощью теплофонов, зимой невероятно холодно. Чтобы как-то выжить в покрывающихся инеем стенах, люди были вынуждены “мотать” электричество, что в итоге вылилось в многомиллионные долги. Один из фигурантов этого дела – экс-чиновник городского масштаба Нурлан Жанет, который умыкнул при строительстве 156 млн тенге. Недавно он был арестован, и за месяц вернул деньги государству, отремонтировал 70 домов. Халатность при стройке выявлена и у ТОО “Кумаров и К”, владелец которого также недавно был арестован, и у застройщика “777 и К”. С восстановлением этих домов помогли спонсоры. Было принято решение для обогрева домов использовать печное отопление, которое жители должны установить за свой счет. Власти дали на это разрешение. 32-летней Гульжан Салим, матери-одиночке, инвалиду, которая воспитывает троих детей, за счет средств городского бюджета печку установили бесплатно. ТОО “Имсталькон” в качестве спонсорской помощи изготовило для нуждающихся переселенцев 20 печей» [6].

Этот рядовой и, видимо, типичный конфликт выявил, вывел на поверхность большой пласт сопутствующих взаимоотношений. Он оказался в центре внимания представителей окружающего сообщества, которых все это не должно было касаться.

Прежде всего строительство поселка для оралманов само по себе маркировало *особость* его жителей, показало, как может возникнуть «групповость» (по Р. Брубейкеру) [2], как возникшая группа осознает себя и противопоставляет себя «другим» (властям, местным казахам), а также воспринимается как

«чужая» местными сообществами и тем самым выступает важным фактором для идентификации местных себя как группы.

Сам факт создания поселка для оралманов вызывает раздражение у жителей соседней Новоявленки (и у казахов, и у русских). Помогая оралманам, государство выделило их в особую категорию, которую местные жители рассматривают как «чужих», «тех, для которых все это построили» (на фоне «нас, до которых дела нет»). Их называют «нурлукошевцы» (по названию программы), а само поселение – «Оралманией»: *«...Много проблем у нас есть в селе: дороги, воды не было. После развала Союза, в 95 году, у нас вообще насосную убрали, без воды мы тут сидели, как братья нурлукошевцы приехали, нам начали давать воду»*.

Респонденты не раз подчеркивали эту двойственность в определении государством получателей благ: гражданство дает всем равные права, но «новые граждане» воспринимаются как особенные – «более равные». Присутствуют рефлексия по поводу неэффективности такого рода категоризации (как способствующей росту иждивенческих настроений) и рассмотрение ее как препятствия к успешному включению оралманов в казахстанское общество: *«.. я думаю, что это ошибка, но вот, что всех мы объединили в одну деревню. Всех объединили, и они, когда объединяются люди, то среди них появляются лидеры. Они объединяют тех, кто не хочет работать, кто хочет бесплатно этот дом получить, чтобы ему списали все вот эти долги за воду, за электроэнергию – вот они, эти люди и организуются. А так вот, и они сильно сгруппировались. Там нету такого “ты из Китая, а я из Монголии”, там одна нация другая образовалась. Мы с русскими смешались, они там друг с другом, и образовали свои нацию. Вот в этом вся проблема. Организатор может быть с ними там, может быть, здесь в городе, мы не знаем. И вот они говорят, мол, раз вас пригласили по программе, значит они должны решать ваши проблемы»*.

Из этого интервью с представителем акимата г. Усть-Каменогорска можно увидеть, каким образом проявляет себя «групповость», и как она ситуативна; далее будет показано, что оралманы Шыгыса осознают и делят друг друга на приехавших из Монголии и приехавших из Китая, но в данной конфликтной ситуации они выступали как единая группа – в восприятии местных и для самих себя. Кроме того, в высказываниях некоторых информантов ощущалось отношение, о котором можно рассуждать в терминах «культурного гражданства» (по Розальдо): они однозначно делили, с позиции культуры, всех граждан Казахстана на «полных» граждан и граждан «второго сорта» (к ним относили оралманов). Причем факт наличия казахстанского гражданства (статус «оралман» является временным) совершенно не имеет значения: ярлык «оралман» приклеивается надолго.

Сюжет «объединения» оралманов вокруг лидеров связан с событиями мая 2013 г., когда из-за долгов в поселке была отключена подача электроэнергии, а местные жители в знак протеста перекрыли центральную улицу, требуя от властей решения данной проблемы. И хотя было очевидно, что жители Шыгыса имели достаточные основания для проявления недовольства,

что это было признано и властями, местные казахи (и не только казахи) восприняли акцию протеста как проявление неблагодарности оралманов: *«Просто подстрекателей не надо, а так все нормально будет. Конечно, им надо спасибо Назарбаеву сказать, что принял их».*

Обозначенная в приведенном отрывке (представителем местных казахов) тема «особой нации оралманов» при детальном рассмотрении оказалась не такой однозначной. Оралманы далеко не всегда местными казахами воспринимаются как «единое целое». Так, в беседе с информантом, работающем в сфере образования (принимает студентов-оралманов на подготовительные курсы в ВКГУ и сопровождает их учебную и внеучебную жизнь), удалось выяснить разницу между оралманами из Монголии и Китая: *«Наши преподаватели отмечают, что оралманы Китая способные больше к точным и естественным наукам, а монголы – к гуманитарным. <...> Студенты-оралманы из Монголии, они какие-то более свободные что ли... Демократии у них там больше... – И: В чем это выражается? – Когда мы собираем их всех и говорим, что нужны деньги на такое-то мероприятие, они – монголы – начинают задавать много вопросов: а зачем, а почему, а зачем это нам надо? Вот из Китая, те без вопросов, принесли и отдали. А у этих там демократия была, вот они и такие непокорные». «Разница большая в том, что в Китае дисциплина строгая, их не распускали, как в Монголии. В Монголии боятся казахов, а в Китае казахи боятся китайцев».*

В ходе интервью с оралманами из Китая удалось уловить еще более дробное внутреннее деление: *«Казахи, приехавшие из Китая, соблюдают все казахские традиции. Но также есть разница между казахами Тарбагатайского и Алтайского районов Китая. Из Тарбагатайского района женщины-казашки ходят в мечеть, а из Алтайского не ходят».*

Также отмечались отличия среди казахов, переехавших из разных государств, в их предпочтениях в работе: *«Выходцы из Китая и Узбекистана хорошо работают на земле, и вообще работать могут везде, а вот из Монголии – они ищут такую непыльную работу, административную, учителями и др.».* В разговорной речи местных довольно часто можно уловить такие категории, как «монголы» (казахи из Монголии), «туркмены» (казахи из Туркмении), «китайцы» (казахи из Китая) – как видно из приведенных примеров, основания для такой категоризации разные: язык, религиозные традиции, культурные и профессиональные предпочтения.

Среди информантов – местных казахов распространено мнение, что оралманы делятся на тех, кто приехал в 1990-е гг., и тех, кто в 2000-е, что они не поддерживают связь друг с другом, поскольку приехавшие раньше стараются дистанцироваться от категории «оралман». В интервью с одним из таких, приехавшим 14-летним подростком из Монголии именно в 1990-е гг. и уже добившимся довольно высокого социального положения, удалось уловить подобное отделение себя от оралманов 2000-х: *«Я переехал из Монголии. Но самое трудное здесь – это язык. В первую очередь язык. Они (оралманы, приехавшие позже. – И. П.) не понимают по-русски. Ничего не понимают».*

Русский язык, как видно, является очень значимым фактором категоризации в Восточном Казахстане. Знание русского языка (пока еще) является желательным, а порой и необходимым условием для движения вверх по социальному лифту. Для оралманов это означает дополнительную трудность при встраивании в местные отношения, а также еще одну причину маркирования их отличительности от местного населения: *«Например, в автобусе по-русски не знаешь, как будет какая-то фраза, теряешься, а на тебя люди посмотрят как-то сверху, и казахи, и русские»*. Осваивая русский язык, оралманы сразу же добиваются более высокого положения в обществе (прежде всего они признаются «своими») и предпочитают причислять себя к местным казахам, дистанцируясь от оралманов, что является значимым моментом в идентификации.

Статус «оралман» официально является временным (до получения казахстанского гражданства), однако реально он еще долго закреплен (как ярлык) за человеком, что видно из приведенного ниже рассуждения информанта: *«...не заметишь даже, что оралман, что наш. Идут такие быстрые изменения: они быстро дипломы здесь получают. Они же уже давно сюда приезжают, с 1992 года. Они уже все, как бы наши. Вот, у меня пример есть на работе, Евразийский университет закончила с отличием, я даже не знала, что она оралманка, башка работает, переводит с казахского на русский и наоборот, английский знает, на машине самой последней марки большой ездит, энергичная, очень хороший работник. Очень способная. И она как-то сказала, что она из Монголии, а я на нее посмотрела, она уже совсем другая, как наша молодежь работает, она такая же: машину водит такую шикарную последней марки, в Астане квартиру имеет, вот она оралманка. Я ее в пример привожу оралманам, говорю, мол, вот, посмотрите, она из Монголии приехала, всего добилась. Раза три так говорила. А она мне потом говорит: "Вы, пожалуйста, не говорите так про меня. Я не оралман, я гражданка Республики Казахстан, я себя не считаю оралманом"»*.

Из приведенного отрывка видны демонстрируемые бессознательно заниженные ожидания в отношении оралманов со стороны местных казахов. И это отношение ощущается самими оралманами: *«Мне сам этот термин не нравится. Потому что сидишь где-нибудь, общаешься и как узнают, что ты оралман, то меняется отношение к тебе. Меняется негативно. То, что ты приезжий. Вообще это неправильно так людей называть. Есть казахи, которые приезжают из Китая, Узбекистана, Киргизии, они возвращаются в Казахстан и их уже не называют казахами, а китайцами, узбеками, киргизами. Это неправильно»*. Снова заметно ощущение отношения к себе как к людям «второго сорта» в терминах культуры.

Значимым маркером для идентификации оралманами себя как «настоящих казахов» (а это очень важный момент в «борьбе» за «культурное гражданство») является тема «традиций», что можно интерпретировать как размышления о таком понятии, как «казахскость». Петер Финке [10] показал, как в дискурс о казахскости различные группы акторов привносят свое восприятие казахскости, которая рассматривается ими как соответствующий

культурный капитал. Анализируется, как это взаимодействие между местными и мигрантами встроено в современный дискурс о национальной идентичности, с одной стороны, и влияет на распределение экономических ресурсов и социального статуса в местном сообществе – с другой.

В наших интервью тема казахскости звучала постоянно, когда речь заходила о различиях местных и приезжих: *«Здесь по-другому традиции сохранились. В Монголии сохранились более древние традиции, а здесь путем ассимиляции традиции стали утрачиваться. Разница в этом». «Праздник, когда ребенок рождается – ему дают имя. Имя говорят в ухо. В Монголии там присутствуют одни женщины, там мужчин не бывает. А здесь и мужчины, и женщины присутствуют». «Разница, например, в том, что сейчас идет “Айт”, мы (казахи из Китая. – И. П.) отмечаем праздник, с Узбекистана отмечают, а с Монголии не отмечают. Всем мы отдыхаем, а они работают, традиции казахов с Монголии разные уже. Если идем во время “Айта” на работу, взрослые, старейшины будут ругаться: “Почему традиции не соблюдаете?”»*

Разность в традициях часто становилась причиной напряженности в отношениях: *«Отношения с местными жителями поначалу были напряженными, некоторые недопонимания были, потом нормализовалось, именно то, что связано с традициями (обязательно держали пост оралманы из Китая), не местные, во время “Айта”, когда жили в Китае, был обязательно неделю выходной (у мусульман Китая). А здесь не так, “на Айте, работайте”, говорят». «Мы считаем, что мы сохранили традиции не жели местные жители, а местные жители считают, что они сохранили традиции. Ну, я не знаю как на самом деле. Но естественна разница в языках, немного в традициях. Я читаю 5 раз в день намаз, и дети мои читают и все родственники. Вот по правилам держали пост недавно. Все традиции стараемся сохранять и соблюдать».*

Традиции служат основанием для выделения себя не только из местных казахов, но и от других групп оралманов. Казахскость – это один из самых важных моментов в категоризации. Он используется не только на местном локальном уровне, но и властью (ведь речь идет о возвращении на родину казахов, хранивших свои традиции на чужбине).

Другим значимым основанием для подобных процессов служит не только русский, но и казахский язык (казахи из Монголии и Китая определяют друг друга по степени заимствования слов из монгольского и китайского): *«У казахов, приехавших из Монголии, язык больше похож на монгольский, у казахов из Китая тоже произошла ассимиляция с местными языками там. Некоторые слова произносятся отлично от традиционно казахского. Например, есть слово “ұқсас”, мы произносим его как “ұқшаи”.*

Таким образом, в ходе исследования удалось наметить несколько категорий – пар оппозиций «мы – они»:

- русские – казахи;
- русские – оралманы;
- казахи местные – оралманы;

- оралманы из Монголии – оралманы из Китая;
- оралманы, приехавшие в 1990-е, – приехавшие в 2000-е гг.;
- оралманы в городе – оралманы в селе (Шыгысе);
- оралманы Китая из района Алтай – из района Тарбагатай.

Именно так на момент проведения исследования выглядели границы, по которым в практиках и повседневных интеракциях проходит деление внутри определенной части казахстанского сообщества. Эти границы во многом конструируются государственной политикой по отношению к репатриантам – через статус «оралман» со всеми преференциями. Используя казахскость (во многом понимаемую с точки зрения эссенциализма – см. понятие «этнические казахи») как ресурс для создания единой нации казахов, но во многом не учитывая сложный характер низовых категоризаций, власть провоцирует конфликтные ситуации. А они, в свою очередь, способствуют возникновению новых категорий и идентификаций (групповости в случае Шыгыса). Значимыми разделительными линиями в указанных парах мы выделили следующие: язык (для ВКО особенно значимый – русский, но и собственно казахский, как было показано в случае с «монголами» и «китайцами»), религиозные традиции, культурные и профессиональные предпочтения, а также понятие казахскости (аутентичности). Все они состоят в сложном переплетении и ситуативны по своей природе.

На этом мы, пожалуй, поставим многоточие, поскольку тема казахскости, являющейся важным ресурсом как для власти, так и для местных сообществ, в процессах категоризации является предметом нашего дальнейшего исследования с привлечением дополнительного корпуса документальных источников и полевых материалов из других областей Республики Казахстан.

Список литературы

1. *Алексеевко А. Н.* Казахстанская репатриация: причины, особенности, перспективы / А. Н. Алексеевко // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. – Иркутск, 2010. – С. 567–592.
2. *Брубейкер Р.* Этничность без групп / Р. Брубейкер; пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экономики». – М.: Издат. дом Высш. шк. экономики, 2012. – 408 с.
3. В Усть-Каменогорске около сотни оралманов провели несанкционированную акцию протеста [Электронный ресурс] // Новости Усть-Каменогорска и ВКО. – URL: <http://yk-news.kz/novost/v-ust-kamenogorske-okolo-trekh-soten-oralmanov-proveli-nesanktsionirovannuyu-aktsiyu-protesta>.
4. Оралманы: реалии, проблемы, перспективы [Электронный ресурс] // Демоскоп–Weekly. 2006. – № 245/246 (1–21 мая). – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0245/analit07.php>.
5. *Шимолдина Н.* 55 миллионов тенге должны за электричество оралманы в Усть-Каменогорске [Электронный ресурс] // ReMarka. – 6.03.2014. – URL: <http://remarka.kz/news/view/44028>.

6. Шимолина Н. В проблемном поселке оралманов в ВКО решен вопрос с отоплением [Электронный ресурс] // ReMarka. – 2014. – 13м нояб. – URL: <http://remarka.kz/news/view/35181>.

7. Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий : сб. ст. / под ред. Ф. Барта ; пер. с англ. И. Пильщикова. – М. : Новое изд-во, 2006. – 200 с.

8. Ballinger P. Borders of the Nation, Borders of Citizenship: Italian Repatriation and the Redefinition of National Identity after World War II // *Comparative Studies in Society and History*. – 2007. – Vol. 49, N 3. – P. 713–741.

9. Berdahl D. The Spirit of Capitalism and the Boundaries of Citizenship in Post-Wall Germany // *Comparative Studies in Society and History*. – 2005. – Vol. 47, N 2. – P. 236–37.

10. Finke P., Meltem, S. Diasporas and Re-Patriants: The Kazaks Return «Home» // [Electronic resource]. – URL: <http://www.eth.mpg.de/cms/en/people/d/finke/project3.html>.

11. Ovalle-Bahamo'n R. E. The Wrinkles of Decolonization and Nationness: White Angolans as Returnados in Portugal // *Europe's Invisible Migrants* / ed. A. Smith. – Amsterdam : Amsterdam University Press, 2003. – P. 147–168.

12. Ong A. Cultural Citizenship as Subject-Making: Immigrants Negotiate Racial and Cultural Boundaries in the United States // *Current Anthropology*. – 1996. – Vol. 37, N 5. – P. 737–762.

13. Preuss U. Citizenship and the German Nation // *Citizenship Studies*. – 2003. – Vol. 7, N 1. – P. 37–56.

14. Rosaldo R. Cultural Citizenship and Educational Democracy // *Cultural Anthropology*. – 1994. – Vol. 9, N 3. – P. 402–411.

“Foreign Natives”: Repatriates, Authenticity and Boundaries in East Kazakhstan

I. G. Popravko

Tomsk State University, Tomsk

Abstract. The article concerns the issue of repatriation from an anthropological point of view. In the case of ordinary practices of the reproduction of the boundaries between different Kazakh groups of East Kazakhstan the author raises the question of authenticity («Kazakhhood») as an important element of the categorization process. «Boundaries» (relational boundaries) are understood as symbolic and everyday boundaries, and the question concerns social categorization of «native»-»foreign» within Kazakh society. In many ways this conception of «boundaries» is based on the ethnicity analysis by Fredrik Barth, who focused his attention on the process of reproduction of boundaries between different communities and on the procedures of inclusion of new members in the group. Cultural citizenship, being the other component of the analysis of the article, is a dual process of internal and external institutionalization within intramural authority network confined by the nation-state and civil society. The concept of «groupness» (introduced by Rogers Brubaker) is well suited for the analysis of the case of Shygys (settlement of repatriates in the East Kazakhstan region) when a conflict situation, much provoked by the authorities, forced repatriates from different cultural backgrounds to unite and oppose local society and the authorities. At the time of study the boundaries, in accordance with which division within the particular Kazakh community takes place in practice and every day interaction, were as follows: Russian-Kazakh; Russian-repatriates; Local Kazakhs-repatriates; Repatriates from Mongolia-repatriates from China; Repatriates who arrived in the 1990s – who moved in the 2000s;

city Repatriates – village repatriates (Shygys); China repatriates from the Altai region – China repatriates from the area Tarbagatai. These boundaries are largely constructed by the state policy towards immigrants- by formalising the status of «oralman» which grants all preferences. Using «Kazakhhood» (the notion of «ethnic Kazakhs» which is largely understood in terms of essentialism) as a resource for creation of Kazakhs nation, without taking into consideration complex nature of grassroots categorizations, authorities provoke conflicts. And these, in turn, contribute to the emergence of new categories and identities (the case of groupness in Shygys). Significant dividing factors in the pairs above have been identified, they are language (the Russian language is crucial for the East Kazakhstan, with the Kazakh language being meaningful as was shown in the case of the «Mongols» and «Chinese»), religious traditions, cultural and professional preferences, as well as the concept of «Kazakhhood» (authenticity). All these factors intertwist and are situational in nature.

Keywords: repatriates, repatriation, authenticity, categorization, groupness, boundaries, ethnicity, Kazakhs, Eastern Kazakhstan.

Поправко Ирина Геннадьевна

*кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
лаборатория социально-
антропологических исследований
Томский государственный университет
634050, г. Томск, пр. Ленина, 34-30
тел.: 8(3822)529796
e-mail: popravkoirina@yandex.ru*

Popravko Irina Gennadievna

*Candidate of Sciences (History,)
Leading Research Fellow,
Laboratory of Social
and Anthropological Research
Tomsk State University
34-30, Lenina av., Tomsk, 634050
tel.: 8(3822)529796
e-mail: popravkoirina@yandex.ru*